

«Черные лебеди» и социальные институты

Виктор Евгеньевич

ДЕМЕНТЬЕВ

Центральный экономико-математический институт РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: vedementev@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-5612-3999; ResearcherID: F-9252-2018

Аннотация. Пандемия COVID-19 рассматривается в статье как проявление тенденции нарастания разного рода рисков на пути общественного развития. Актуальной задачей становится повышение адаптационных способностей социально-экономических систем. Опыт борьбы разных стран с пандемией предлагается использовать для анализа условий, помогающих успешно отвечать на различные непредвиденные вызовы, в современной литературе часто фигурирующие как «черные лебеди». Представлен краткий обзор литературы, анализирующей различия между странами, сказывающиеся на экономическом развитии государств в условиях пандемии COVID-19. Показано, что вопреки распространенному мнению сохранение темпов роста ВВП может сочетаться с относительно низкими показателями смертности от коронавируса. Этот вывод основывается на данных по 30 странам за 2020 год. Отмечено, что заметное влияние на динамику ВВП в условиях пандемии оказывает доля сферы услуг в структуре экономики. Основное внимание уделено связи между изменениями ВВП в 2020 году и институциональными обстоятельствами. Показано, что ослабить падение темпов роста ВВП удастся прежде всего тем странам, где население доверяет правительству. Снижение ВВП в ряде рассматриваемых государств происходит на фоне относительно высокой информационной и личной свободы, оборотной стороной которой в условиях пандемии оказывается более низкий уровень доверия правительству. Регрессионный анализ подтверждает, что почти половина различий между странами в динамике ВВП в 2020 году отрицательным образом связана с двумя обстоятельствами: смертностью от коронавируса и информационной свободой. При недоверии правительству трудно рассчитывать на результативность правительственных мер по адаптации к чрезвычайной ситуации, а социальная активность

Для цитирования: Дементьев В.Е. «Черные лебеди» и социальные институты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 54–66. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.3

For citation: Dementiev V.E. “Black swans” and social institutions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 54–66. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.3

способна приобретать деструктивный характер. В дальнейшем было бы полезно сопоставить адаптационные возможности стран с точки зрения темпов восстановления их экономики после пандемии.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, социальные институты, доверие, темпы роста ВВП, адаптация, межстрановые различия.

Введение

Концепция устойчивого развития ориентирована на сбалансированное решение экономических, экологических и социальных проблем общественного развития. Сама возможность устойчивого развития при этом не ставится под сомнение, а технологическое развитие воспринимается в качестве одного из средств ее реализации. В частности, интерес вызывают перспективы, открывающиеся при переходе к цифровым технологиям.

Пандемия COVID-19 способствовала усилению внимания к участвовавшим неожиданным событиям, так называемым «черным лебедям» [1]. Для многих ситуация с коронавирусом стала одним из таких лебедей, хотя сам Н. Талеб придерживается другой точки зрения, считая, что была возможность подавить пандемию в США¹.

Тенденция нарастания разного рода рисков и соответствующих потерь становится все более заметной. В докладе «The human cost of disasters: an overview of the last 20 years (2000–2019)», подготовленном Агентством ООН по снижению риска катастроф (UN Office for Disaster Risk Reduction), показан рост почти по всем видам катастроф. Потери только от природных катастроф за 20 лет оцениваются почти в 3 триллиона долларов². Доклад «The Global Risks Report 2021», выпускаемый по инициативе Мирового экономического форума (World Economic Forum), охватывает 35 глобальных рисков³. Их список обновлен в 2020 году, добавлены 12 новых рисков, которые могут иметь долгосрочные последствия, в частности цифровая концентрация власти, всепроникающая негативная реакция на науку,

ухудшение психического здоровья, широко распространенное разочарование молодежи.

Что касается экономических потерь от пандемии COVID-19, их оценка в течение 2020 года выросла в несколько раз. В начале марта на основе прогноза Oxford Economics речь шла о том, что по итогам 2020 года глобальный ВВП может недосчитаться \$1,1 трлн⁴. В мае 2020 г. Азиатский банк развития (АБР) заявил, что потери мировой экономики, вызванные пандемией коронавируса, могут составить от \$5,8 трлн до \$8,8 трлн. Такая оценка оказалась вдвое выше предыдущего апрельского прогноза банка⁵. В октябре 2020 г. Международный валютный фонд (МВФ) оценивал потери мирового ВВП уже в \$28 триллионов. Ущерб экономики США от пандемии коронавируса прогнозировался на уровне \$16 триллионов⁶.

Однако на опыте пандемии стало очевидно, что экономический ущерб — это лишь одна сторона потерь. У переживаемых бедствий есть и человеческое измерение. Прямые потери — гибель людей, и косвенные — в виде негативно-го влияния на их здоровье⁷. Оправдана постановка вопроса о психологических, политических, социокультурных последствиях пандемии.

На этом фоне набирает популярность теория, в соответствии с которой «постоянное усложнение как технологических, так и социальных связей между людьми во всемирном масштабе практически неизбежно повышает уровень рисков, которые могут накапливаться и путем кумулятивного эффекта поставить всю стабильность глобальной системы под удар»⁸.

¹ <https://www.newyorker.com/news/daily-comment/the-pandemic-isnt-a-black-swan-but-a-portent-of-a-more-fragile-global-system>

² UN Office for Disaster Risk Reduction. The human cost of disasters: an overview of the last 20 years (2000–2019). URL: <https://www.undrr.org/media/48008/download>

³ World Economic Forum. The Global Risks Report 2021. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2021>

⁴ <https://russian.rt.com/business/article/725315-ekonomika-poteri-koronavirus>

⁵ <https://www.interfax.ru/business/708741>

⁶ <https://1prime.ru/world/20201015/832166974.html>

⁷ <https://news.un.org/ru/audio/2012/10/1015281>

⁸ Балабанов О. Глобальное общество риска: когда катастрофы и эпидемии становятся нормой. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/globalnoe-obshchestvo-riska/>

Такой эффект фиксируется и во взгляде на современное развитие как «медленную катастрофу» [2]. Действительно, в отличие от таких природных катастроф, как землетрясения, тайфуны, цунами, многие риски носят накапливающийся характер. Их отрицательное влияние начинает сильно ощущаться только спустя какое-то время. Так происходит с изменением климата, вызревaniem экономических пузырей, концентрацией цифровой власти. Применительно к экономике таких рисков можно говорить об экономике медленной катастрофы. Другими словами, речь идет о накоплении негативного потенциала в ходе социально-экономического развития. «Под „медленной” катастрофой будем понимать процессы-закономерности возникновения негативных тенденций в функционировании объекта, их последующей аккумуляции, развития и труднопрогнозируемого видоизменения, которые приводят в итоге к нарушению нормального функционирования объекта, дезорганизации его внутренней структуры, разрушению связей с окружающей средой и иным негативным последствиям» [2, с. 32]. Медленная катастрофа способна происходить в форме постепенного ухудшения функционирования системы, как, например, при остаточном принципе финансирования науки. Возможна и взрывная реализация накопленного негативного потенциала, что наблюдается при крахе финансовых пузырей.

Отдельные виды медленных катастроф имеют существенную специфику, которая должна учитываться в стратегиях развития. Подготовка к возможным вызовам предстает одной из важнейших стратегических задач для разных уровней управления. Оправдано включение в повестку дня науки и практики перехода от концепции «устойчивого развития» к концепции развития в условиях перманентных рисков. Соответственно, необходимо говорить о проблеме адаптации систем разных уровней к таким условиям. Опыт пандемии COVID-19 дает обширную информацию для исследования указанной проблемы. Имеется в виду анализ обстоятельств, при которых отдельным странам удается лучше приспособиться к этому бедствию. По итогам 2020 года значительные раз-

личия между государствами наблюдаются в отношении смертности от COVID-19⁹ и динамики ВВП¹⁰.

Довольно распространенной является точка зрения о том, что адаптация, нацеленная на сохранение темпов роста ВВП, достигается при ухудшении показателей смертности, и наоборот, снижение смертности от коронавируса происходит при падении ВВП. Как пишет Я. Миркин, «стала проглядывать новая реальность — экономика катастроф. В ней видны черты военной, мобилизационной экономики с ограничениями базовых свобод, с запретами от государства, заходящими далеко за черту обыденности, с надзором за каждым и, наконец, с наказаниями... В мире появляется нечто новое — экономические жертвы. Как и во время войны, власти жертвуют частью населения ради того, чтобы „все работало”»¹¹. Что касается превентивных действий для встречи «черных лебедей», то здесь важная роль отводится формированию резервов [3]. Однако даже при большом ресурсном потенциале можно опоздать с реагированием на новые вызовы, на что обратил внимание Н. Талеб¹². Успешное развитие в условиях перманентных рисков предполагает, прежде всего, выстраивание эффективной системы принятия решений. Фактически речь идет об институциональных факторах повышения адаптивности социально-экономических систем.

В статье на примере COVID-19 анализируется обоснованность трактовки приспособления к рискам как выбора между сохранением или населения, или производства. Для выборки, охватывающей значительную группу стран,

⁹ World Health Organization. COVID-19 Weekly Epidemiological Update 25. URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20210202-weekly-epi-update_25.pdf?sfvrsn=b38d435c_4

¹⁰ International Monetary Fund. World Economic Outlook: Managing Divergent Recoveries. Washington, DC, April. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021>

¹¹ Миркин Я. Чей ответ на COVID-19 лучше. Сравнительная экономика катастроф // Ведомости. 2020. 19 октября. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/10/18/843660-otvet-covid-19>

¹² <https://www.newyorker.com/news/daily-comment/the-pandemic-isnt-a-black-swan-but-a-portent-of-a-more-fragile-global-system>

оценивается связь между динамикой ВВП и структурой экономики (долей услуг в ВВП), уровнем смертности от коронавируса. Однако основное внимание уделяется обстоятельствам институционального характера.

Обзор литературы

Влияние COVID-19 на разные сферы экономики, занятость, смертность населения рассматривается в большом числе публикаций, широкий обзор которых представлен в [4]. Уже в ходе первой волны пандемии COVID-19 в многочисленных исследованиях стали анализироваться факторы, определяющие ситуацию с пандемией в разных странах. Среди этих факторов демографические характеристики населения, доверие граждан, культура, структура государственного управления, уровень экономического развития страны и др. [5]. В качестве увеличивающих смертность от COVID-19 факторов фигурируют пожилой возраст населения, сопутствующие заболевания, например диабет, большая дисперсия доходов граждан и высокий уровень душевного ВВП [6]. Последнее обстоятельство объясняется широким распространением тестирования в богатых странах, доступностью зарубежного отдыха, поскольку трансграничные путешествия способствуют распространению вируса¹³.

Ситуация с пандемией в разных странах рассматривается в зависимости от стратегических, психологических и институциональных факторов [7]. Стратегические факторы связаны с возможностью использования мер по сдерживанию распространения коронавируса, особенно полной изоляции, для извлечения политических выгод. Влияние психологических факторов проявляется в самом разном виде, например, через отношение к вакцинации. В литературе обращается внимание на роль паники у правящей элиты [8]. Такой паникой объясняются, в частности, не всегда оправданные, чрезмерные ограничения на деятельность целых сфер бизнеса или перемещения граждан.

Как показано в [9], дифференцированная блокировка перемещений с учетом различных групп риска (более строгие ограничения для старших групп по сравнению с более молодыми)

может сильнее сократить число потерянных жизней и негативные экономические последствия по сравнению с единообразными мерами блокировки для всех возрастных групп. Установлено, что при равномерной изоляции, длящейся 434 дня, общее число погибших достигает 1,8% населения, а экономические издержки составляют около 24,3% годового ВВП, тогда как при дифференцированной изоляции, длящейся 230 дней, смертность снижается до 1%, а экономические потери – до 10% годового ВВП.

Институциональные факторы включают уровень эффективности правительства, уровень доверия в обществе, существование отдельных министерств здравоохранения и министров здравоохранения с медицинским образованием, степень фактической самостоятельности региональных властей по отношению к центральной власти и др. [4].

Все страны во время пандемии прибегали к централизованным мерам, даже когда федеральное законодательство ограничивало возможности для таких действий [10]. При этом уровень доверия к правительству и межличностного доверия влиял на скорость реагирования властей на пандемию. Так, было обнаружено, что «более централизованные страны с относительно низкими эффективностью правительства, свободой и доверием общества, но с отдельными министерствами здравоохранения и министрами здравоохранения с медицинским образованием действовали быстрее и решительнее» [11, с. 3]. С другой стороны, «общества с более высоким межличностным доверием, доверием к правительству и общими показателями свободы медленнее реагировали на распространение пандемии. Возможно, там, где доверие высокое, правительству не нужно вмешиваться в ограничительные меры, но оно может полагаться на людей, следующих рекомендациям по социальному дистанцированию». [11, с. 24]. Отмечается, что страны с более высокой свободой граждан менее охотно идут на ее ограничение. Однако эти выводы были получены на основе регрессионного анализа ситуации в начальный период пандемии COVID-19 до апреля 2020 г. Сами авторы указывают, что их «результаты лучше всего рассматривать как выявление перспективных гипотез о детерминантах национальной политики реагирования на пандемию COVID-19 в Европе...» [11, с. 3].

¹³ World Health Organization. Coronavirus disease (COVID-2019) situation reports. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novelcoronavirus-2019/situation-reports>

Эффект доверия правительству отмечается и в [12, с. 3]: «Снижение мобильности около середины марта 2020 года значительно сильнее в регионах с высоким уровнем доверия... Эффект особенно силен для необязательных видов деятельности (отдых, работа и транспорт) по сравнению с походом в продуктовый магазин или аптеку». Связь с другим аспектом доверия выявлена в результате анализа ситуации в США. Там, «где люди больше доверяют друг другу, требования о социальном дистанцировании соблюдаются гораздо лучше» [13, с. 12]. На данных по США основывалось и исследование [14], где показано, что на восприятие рисков пандемии способны влиять политические предпочтения граждан. В [15] рассматривается мобильность населения в итальянских провинциях в период с января по май 2020 года и доказывается, что после вспышки вируса мобильность снизилась, но значительно больше в районах с более высоким гражданским капиталом, под которым понимается готовность граждан к совместному решению возникающих проблем.

Как видно из представленных публикаций, внимание обычно фокусируется на связи институциональных факторов и социального дистанцирования в условиях пандемии. При этом динамика ВВП чаще всего остается за рамками анализа.

В странах с низким уровнем институционального доверия население склонно скептически воспринимать директивы правительства. Это может сказаться не только на ситуации с пандемией, но и на результативности мер по восстановлению экономики. При низком уровне доверия домохозяйства станут ограничивать свои потребительские расходы, а предприятия не будут инвестировать¹⁴.

В имеющихся публикациях в основном идет речь о смягчении последствий пандемии. Подготовка к новым вызовам, необходимые превентивные меры почти не рассматриваются. Вместе с тем констатируется, что большинство успешно справляющихся с пандемией стран

¹⁴ Portes J. Don't believe the myth that we must sacrifice lives to save the economy. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/25/there-is-no-trade-off-between-the-economy-and-health>

с самого начала предприняли эффективные превентивные действия. К этой группе относят Сингапур, Южную Корею [5]. Отмечается, что «многие азиатские страны извлекли уроки из своего опыта во время вспышки атипичной пневмонии несколько лет назад, поэтому они более подготовлены к принятию правильных профилактических мер. В то время как большинство западноевропейских стран рассматривают это как игру до тех пор, пока число погибших не начнет расти» [5, с. 9].

Одним из важных факторов успеха в борьбе с пандемией стало раннее выявление инфицированных коронавирусом. Однако ряд стран столкнулся с проблемой неэффективности импортируемых тестовых наборов [5]. Ненадежность тестирования приходится компенсировать жесткостью ограничительных мер, что не добавляет доверия как этим мерам, так и правительству.

Многие обстоятельства отходят на второй план, когда анализ межстрановых различий сосредотачивается на расстановке правительственных приоритетов в условиях пандемии COVID-19. Имеется в виду выбор между защитой работников и сохранением уровня производства. Он захватывает разные уровни экономического управления. Распространенной является точка зрения о том, что за спасение человеческих жизней приходится расплачиваться падением ВВП [3; 16]. Сформировалась тенденция рассматривать выбор стратегии действий в условиях пандемии как поиск компромисса между здоровьем и экономическими издержками. В докладе McKinsey Global Institute аргументируется приоритетность здоровья людей¹⁵. С другой стороны, существуют опасения, что сохранение жизней ценой сокращения производства в итоге обернется еще большими жертвами, поэтому сохранение рабочих мест и фирм в бизнесе должно быть приоритетом¹⁶.

¹⁵ McKinsey Global Institute. Will productivity and growth return after the COVID19 crisis? URL: <https://www.mckinsey.com/industries/public-and-social-sector/our-insights/will-productivity-and-growth-return-after-the-covid-19-crisis>

¹⁶ Portes J. Don't believe the myth that we must sacrifice lives to save the economy. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/25/there-is-no-trade-off-between-the-economy-and-health>

Диссонансными по отношению к этим оценкам оказались результаты анализа смертности от COVID-19 на миллион жителей и изменения ВВП 45 стран во втором квартале 2020 года [17]. Вопреки ожиданиям того, что уменьшение количества смертей от коронавируса достигается ценой усиления экономического спада в стране, М. Смитсон выявил обратный характер связи между этими процессами [17].

Следовательно, необходимо убедиться, не является ли ситуация второго квартала 2020 года исключительной. Целесообразно рассмотреть связь между смертностью от COVID-19 и динамикой ВВП по итогам 2020 года. Совмещение роста смертности и падения ВВП свидетельствует о том, что на межстрановые различия в динамике ВВП в условиях пандемии COVID-19 существенное влияние оказывают другие факторы. В ряде публикаций уже обращалось внимание на роль институциональных обстоятельств в таких межстрановых различиях. Наша статья призвана внести определенную ясность в вопрос, как сказались эти обстоятельства на экономических результатах стран в 2020 году.

Данные и методология

Источником информации для сравнительного анализа адаптивных качеств разных стран, проявленных ими в условиях пандемии, служат, с одной стороны, данные по изменению ВВП государств, с другой стороны, сведения о смертности их населения от COVID-19.

В ряде исследований [18; 19] уровни смертности сопоставляются по показателю CFR, то есть соотношению между числом смертей от COVID-19 и числом подтвержденных случаев заболевания этим вирусом. Однако зависимость показателя от интенсивности тестирования населения на COVID-19 ведет к тому, что показатели смертности оказываются заниженными для стран, где в результате массового тестирования в число заболевших COVID-19 включено много людей с легкими формами заболевания и без каких-либо симптомов. Поскольку показатель CFR способен завышать фактическую смертность от коронавируса при низкой интенсивности тестирования населения, при сопоставительном анализе лучше

использовать показатель числа летальных случаев от COVID-19 на 100 тысяч жителей. Соответствующие данные доступны на сайте Медицинского ресурсного центра по коронавирусу при Университете Джона Хопкинса США (Johns Hopkins Coronavirus Resource Center)¹⁷, в еженедельниках COVID-19 Weekly Epidemiological Update Всемирной организации здравоохранения, фиксирующих эпидемиологическую ситуацию с COVID-19. В статье использовались данные COVID-19 Weekly Epidemiological Update 25¹⁸.

Данные об изменении ВВП разных стран в 2020 году представлены на сайтах OECD, International Monetary Fund. В статье использовались данные World Economic Outlook 2021¹⁹.

Одним из источников информации об институциональных характеристиках стран выступает исследование Edelman Trust Barometer, выполняемое агентством Edelman с 2000 года. Оно выявляет уровень доверия к институтам власти и бизнеса, средствам массовой информации. В статье используются данные Edelman Trust Barometer 2020²⁰.

Также источником институциональной информации являются материалы Института Фрейзера (Fraser Institute), который считается лучшим мозговым центром в Канаде и входит в топ-15 таких центров согласно глобальному индексу Go To Think Tank Index. В статье учтено опубликованное этим институтом в декабре 2020 г. исследование Human Freedom Index 2020 [20].

Широкий спектр информации по странам представлен на сайте TheGlobalEconomy.com, с которого брались, в частности, сведения о добавленной стоимости в секторе услуг в процентах от ВВП.

¹⁷ <https://coronavirus.jhu.edu/map.html>

¹⁸ World Health Organization. COVID-19 Weekly Epidemiological Update 25. URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20210202-weekly-epi-update_25.pdf?sfvrsn=b38d435c_4

¹⁹ International Monetary Fund. World Economic Outlook: Managing Divergent Recoveries. Washington, DC, April. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021>

²⁰ Edelman Trust Barometer 2020. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_LIVE.pdf

Таблица 1. Страны, вошедшие в выборку

Аргентина	Иран	Филиппины
Австралия	Италия	Польша
Бразилия	Япония	Россия
Канада	Казахстан	Саудовская Аравия
Китай	Корея	Южная Африка
Египет	Малайзия	Испания
Франция	Мексика	Таиланд
Германия	Голландия	Турция
Индия	Нигерия	Великобритания
Индонезия	Пакистан	США

Большинство представленных в статье результатов основывается на анализе развития в условиях COVID-19 группы стран (табл. 1).

Выбор государств определялся доступной статистикой, стремлением охватить все крупные страны и разные континенты. После выхода из пандемии было бы полезно провести сравнительный анализ развития в ее условиях экономик разных размеров, развитых и развивающихся стран.

При рассмотрении связи динамики ВВП и доверия правительству из-за отсутствия данных о доверии за 2020 год за рамками анализа остались Египет, Иран, Казахстан, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Польша.

Факторы межстрановых различий в динамике ВВП по итогам 2020 года

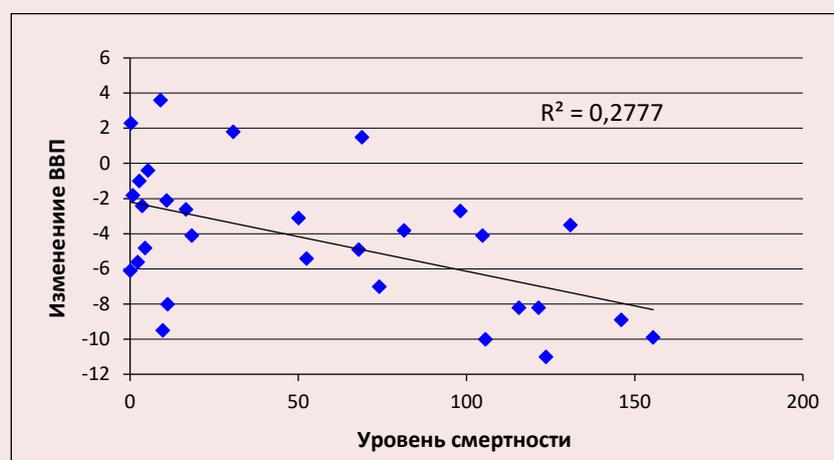
Анализ данных по 30 странам за весь 2020 год подтверждает вывод М. Смитсона [17]. Они

не позволяют трактовать повышение смертности от COVID-19 как условие сохранения темпов роста ВВП (рис. 1). Судя по представленной на этом рисунке ситуации, снижение темпов роста ВВП довольно часто не является альтернативой сохранению человеческих жизней.

Следовательно, стремление к сохранению человеческих жизней является слабым объяснением падения ВВП многих стран в условиях пандемии. Заметное влияние на динамику ВВП оказывает в этих условиях доля сферы услуг в структуре экономики (рис. 2).

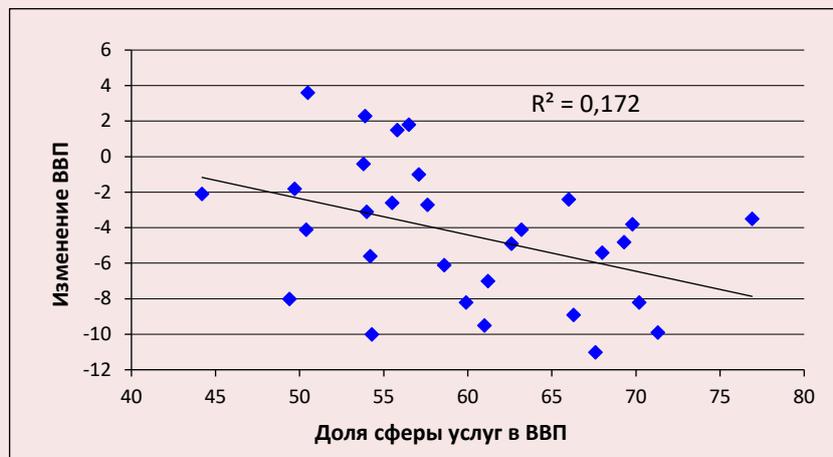
Более обоснованно связывать ухудшение экономической ситуации с качеством социальных институтов, прежде всего низким уровнем доверия правительству (рис. 3). Этот уровень фиксируется в Edelman Trust Barometer по доле людей, считающих, что правительство действует правильным образом.

Рис. 1. Уровни смертности от COVID-19 на 100 тыс. чел. населения и темпы роста ВВП по 30 странам

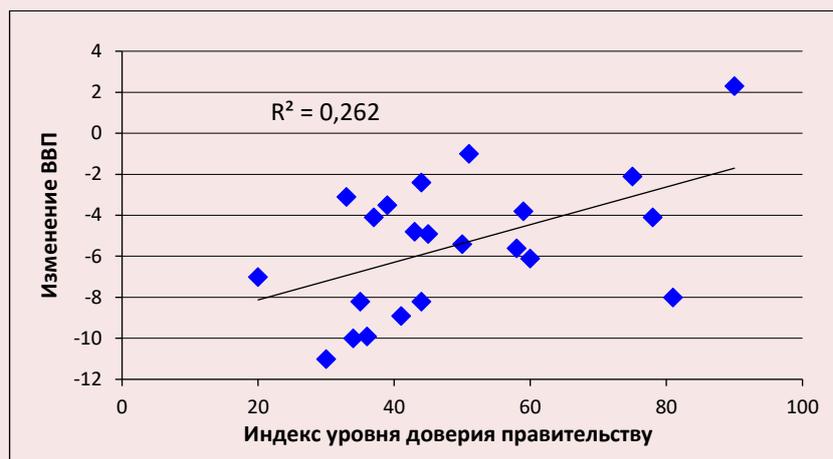
Источник: данные World Economic Outlook 2021 (April) и COVID-19 Weekly Epidemiological Update 25.

Рис. 2. Темпы роста ВВП в 2020 г. и добавленная стоимость в секторе услуг, % от ВВП, в 2019 г. по 30 странам

Источник: данные TheGlobalEconomy.com.

Рис. 3. Соотношение между уровнем доверия к правительству и изменением ВВП в 2020 г. по 23 странам

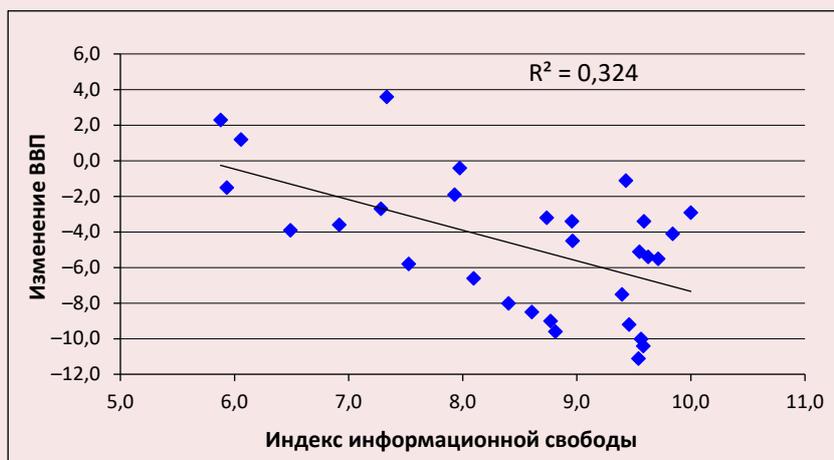
Источник: данные Edelman Trust Barometer 2020.

Связь между динамикой ВВП и уровнем доверия негосударственным организациям, бизнесу, СМИ для выборки из 23 стран оказалась гораздо более слабой, чем для доверия правительству ($R^2 < 0,1$ для СМИ, $R^2 < 0,04$ в остальных двух случаях). Однако существует некоторая связь между падением ВВП и свободой СМИ (рис. 4).

Уровень информационной свободы оценивается в Human Freedom Index 2020 по целому ряду параметров, включая безопасность журналистской деятельности, доступ к иностран-

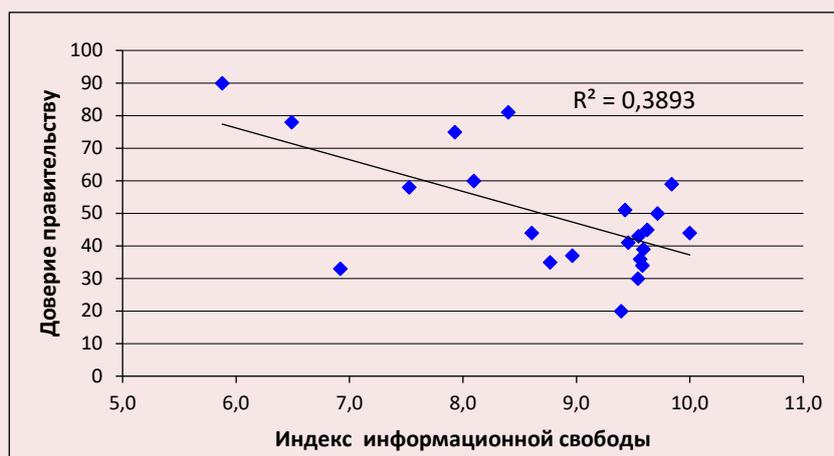
ным СМИ, государственный контроль интернета [20]. СМИ во многих случаях выступают оппонентом правительству. Однако в условиях пандемии такое оппонирование способно негативно сказываться на действенности правительственных мер по поддержке экономики, сдерживанию распространения COVID-19, что, в свою очередь, отражается на динамике ВВП. Текущие данные по 23 странам свидетельствуют о негативном влиянии информационной свободы на доверие правительству (рис. 5).

Рис. 4. Соотношение между изменением ВВП и уровнем свободы информации в 2020 г. по 30 странам [20]

Источник: Vásquez I., McMahon F. *Human Freedom Index 2020*. Cato Institute and Fraser Institute. Available at: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/human-freedom-index-2020.pdf>

Рис. 5. Соотношение между доверием правительству и уровнем информационной свободы по 23 странам

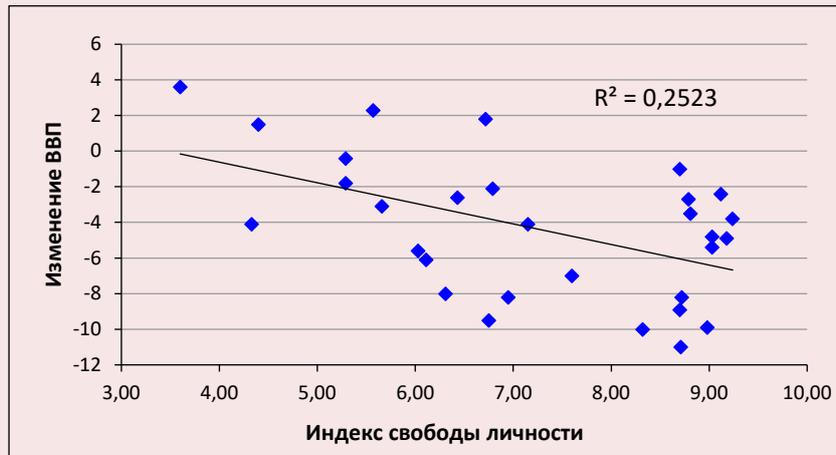
Источник: Vásquez I., McMahon F. *Human Freedom Index 2020*. Cato Institute and Fraser Institute. Available at: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/human-freedom-index-2020.pdf>

Уровень информационной свободы используется при формировании более широкого индекса свободы личности (personal freedom). Этот индекс учитывает дополнительно свободы перемещения, вероисповедания, собраний, политических организаций, гендерные свободы. В условиях пандемии обнаруживается негативная связь динамики ВВП и уровня многокомпонентного индекса личной свободы (рис. 6).

Вместе с тем существует положительная связь между уровнями личной свободы и подушевого ВВП (рис. 7).

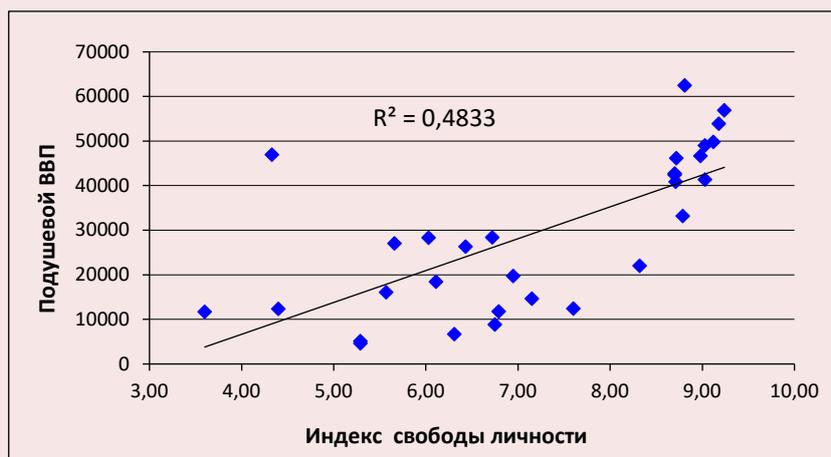
Следует отметить, что данные, представленные на рисунке 7, не отражают причинно-следственные связи между рассматриваемыми параметрами. Кроме того, при разном уровне подушевого ВВП свобода личности получает различное наполнение: возможность эмигрировать существенно отличается от возможности путешествовать по миру. Понятно, однако, что вынужденное в условиях пандемии временное ограничение личных свобод в большей степени нарушает привычный образ жизни богатых стран по сравнению с менее развитыми государствами.

Рис. 6. Соотношение между изменением ВВП уровнем свободы личности в 2020 г. по 30 странам

Источник: Vásquez I., McMahon F. *Human Freedom Index 2020. Cato Institute and Fraser Institute*. Available at: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/human-freedom-index-2020.pdf>

Рис. 7. Соотношение между уровнем подушевого ВВП (PPP) в 2019 г. и уровнем свободы личности по 30 странам

Источник: Vásquez I., McMahon F. *Human Freedom Index 2020. Cato Institute and Fraser Institute*. Available at: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/human-freedom-index-2020.pdf>; данные TheGlobalEconomy.com

Регрессионный анализ (табл. 2) подтверждает, что почти половина различий между странами в динамике ВВП в условиях COVID-19 обусловлена двумя обстоятельствами: смертностью от коронавируса и информационной свободой. Оба оборачиваются ослаблением доверия к правительству, что сказывается на результативности усилий по борьбе с пандемией.

Заключение

Реальная эффективность социально-экономических систем проверяется в условиях появ-

ления «черных лебедей», нарушающих привычный ход социально-экономического развития. Как показала пандемия COVID-19, не все страны-лидеры мировой экономики обладают необходимыми адаптационными качествами. Свою роль здесь играет низкий уровень доверия правительству. Опросы свидетельствуют о том, что даже в таких высокоразвитых государствах, как США, Республика Корея, Канада, почти половина респондентов воспринимает капитализм в его нынешнем виде как

Таблица 2. Регрессионный анализ факторов падения ВВП в 2020 г.

Переменная	Коэффициенты
Постоянная	8,687089** (3,962028)
Информационная свобода	-1,37653*** (0,490736)
Уровень смертности от COVID-19	-0,02288** (0,010714)
R ²	0,44

Примечание. Зависимая переменная – изменение ВВП в 2020 г. В скобках указаны стандартные ошибки. Символами «***», «**» отмечены оценки, значимые на уровне 1 и 5% соответственно.
Источник: расчеты автора для 30 стран.

приносящий больше вреда, чем пользы. Гораздо больше сторонников такой точки зрения в Индии, Индонезии, Китае, преобладает она и во Франции, Италии, Испании [20, с. 66].

Особо следует отметить характер связи между изменением ВВП и уровнем смертности от COVID-19. Нет достаточных оснований, для того чтобы трактовать снижение темпов роста ВВП как оборотную сторону улучшения эпидемиологической ситуации. Падение ВВП и высокая смертность от COVID-19 являются следствиями неготовности стран к участившимся масштабным вызовам. Необходимо учитывать, что таким вызовом выступает и промышленная революция.

Опыт, накопленный во время пандемии COVID-19, показывает, что в непредвиденных обстоятельствах решающую роль может сыграть не столько ресурсный потенциал экономики, сколько ее институциональные качества. Чтобы социально-экономическая система хорошо адаптировалась к чрезвычайной ситуации, она должна достаточно быстро варь-

ровать уровень централизации принимаемых решений. Для одних ситуаций необходимо и достаточно оперативного реагирования на локальном уровне управления. Другие чрезвычайные ситуации требуют централизованных решений по мобилизации ресурсов всей страны. Так, в эпицентр эпидемии коронавируса город Ухань провинции Хубэй китайским правительством были привлечены врачи из разных провинций²¹. Однако важно, чтобы власти пользовались доверием у населения, иначе трудно рассчитывать на результативность правительственных мер, а социальная активность способна приобретать деструктивный характер.

Поскольку пандемия еще не завершилась, представленные выводы о межстрановых различиях в динамике ВВП под влиянием COVID-19 носят предварительный характер, основываясь на данных лишь за 2020 год. В дальнейшем было бы полезно сопоставить адаптационные возможности стран с точки зрения темпов восстановления их экономик после пандемии.

Литература

1. Taleb N.N. *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. Random House, 2007. 480 p.
2. Минаев В.А., Фаддеев А.О. Проблема медленных катастроф // Технологии техносферной безопасности. 2006. № 2. С. 32–35. URL: <https://academygps.ru/nauka-5/nauchnye-zhurnaly-i-publikatsii-52/nauchnyu-internet-zhurnal-tekhnologii-tekhnosfernoy-bezopasnosti/vypusk/2006-2027/-2042/> (дата обращения 12.02.2021).
3. Миркин Я.М. Трансформация экономической и финансовой структур мира: воздействие растущих шоков катастроф // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 97–116. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-5>

²¹ <https://regnum.ru/news/society/2887611.htm>

4. Brodeur A., Gray D., Islam A., Bhuiyan S-J. *A Literature Review of the Economics of COVID-19*. IZA Institute of labor economics. Discussion paper series no 13411/ Available at: <http://ftp.iza.org/dp13411.pdf> (accessed: 21.09.2020).
5. Baniamin H.M., Rahman M., Hasan, M.T. The COVID-19 pandemic: Why are some countries more successful than others? *SSRN Electronic Journal*. 2020. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3575251>
6. Chaudhry R., Dranitsaris G., Mubashir T., Bartoszko J., Riazi S. A country level analysis measuring the impact of government actions, country preparedness and socioeconomic factors on COVID-19 mortality and related health outcomes. *EClinicalMedicine*, 2020, no. 25, 100464. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eclinm.2020.100464>
7. Maor M., Howlett M. Explaining variations in state COVID-19 responses: Psychological, institutional, and strategic factors in governance and public policymaking. *Policy Design and Practice*, 2020, vol. 3, no. 3, pp. 228–241. DOI: 10.1080/25741292.2020.1824379
8. Clarke L., Chess C. Elites and panic: More to feat than fear itself. *Social Forces*, 2008, vol. 87, no. 2, pp. 993–1014. DOI:10.1353/sof.0.0155
9. Acemoglu D., Chernozhukov V., Werning I., Whinston M. D. *A Multi-Risk SIR Model with Optimally Targeted Lockdown*. Working paper No. 27102. National Bureau of Economic Research. Available at: <https://doi.org/10.3386/w27102>
10. Capano G., Howlett M., Jarvis D., Ramesh M., Goyal N. Mobilizing policy (in) capacity to fight COVID-19: Understanding variations in national responses. *Policy and Society*, 2020, vol. 39, no. 3, pp. 285–308. DOI: 10.1080/14494035.2020.1787628
11. Toshkov D., Yesilkagit K., Carroll B. *Government Capacity, Societal Trust or Party Preferences? What Accounts for the Variety of National Policy Responses to the COVID-19 Pandemic in Europe?* OSF Preprints 7chpu, Center for Open Science, 2020. DOI: 10.31219/osf.io/7chpu
12. Bargain O., Aminjonov U. *Trust and Compliance to Public Health Policies in Times of Covid-19*. 2020. Available at: <https://papers.ssrn.com/abstract=3596671>
13. Brodeur A., Grigoryeva I., Kattan L. *Stay-at-Home Orders, Social Distancing and Trust*, 2020. Available at: <https://papers.ssrn.com/abstract=3602410>
14. Barrios J.M., Hochberg Y. *Risk Perception through the Lens of Politics in the Time of the COVID-19 Pandemic*. National Bureau of Economic Research. Working paper no. 27008. DOI: <https://doi.org/10.3386/w27008>
15. Durante R., Guiso L., Gulino G. *Asocial Capital: Civic Culture and Social Distancing during COVID-19*. 2020. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3611606>
16. Balmford B., Annan J.D., Hargreaves J.C., Altoè M., Bateman I.J. Cross-country comparisons of Covid-19: Policy, politics and the price of life. *Environmental & Resource Economics*, 2020, vol. 76, no. 4, pp. 525–551. DOI: 10.1007/s10640-020-00466-5
17. Smithson M. Data from 45 countries show containing COVID vs saving the economy is a false dichotomy. *The Conversation*, 2020. Available at: <https://theconversation.com/data-from-45-countries-show-containing-covid-vs-saving-the-economy-is-a-false-dichotomy-150533> (accessed: 21.12.2020).
18. Sorci G., Faivre B., Morand S. Explaining among-country variation in COVID-19 case mortality rate. *Scientific Reports*, 2020, vol. 10, no. 1, 18909. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-75848-2>
19. Liang L.-L., Tseng Ch.-H., Ho H. J., Wi Ch.-Y. COVID-19 mortality is negatively associated with test number and government effectiveness. *Scientific Reports*, 2020, vol. 10, 12567. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-68862-x>
20. Vásquez I., McMahon F. *Human Freedom Index 2020*. Cato Institute and Fraser Institute. Available at: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/human-freedom-index-2020.pdf> (accessed: 19.01.2021).

Сведения об авторе

Виктор Евгеньевич Дементьев – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: vedementev@rambler.ru)

Dementiev V.E.

“Black Swans” and Social Institutions

Abstract. The paper considers the COVID-19 pandemic as a manifestation of an upward trend in various kinds of risks on the path of social development. Promoting the adaptive abilities of socio-economic systems becomes an urgent task. We propose to use the experience of various countries in combating the pandemic to analyze the conditions that help to respond effectively to various unforeseen challenges, which are often referred to as “black swans” in modern literature. We present a brief review of the literature that analyzes the differences between countries, which affect their economic development amidst the COVID-19 pandemic. We prove that, contrary to popular belief, the continued growth of GDP can be combined with relatively low COVID-19 mortality rates. This conclusion is based on data from 30 countries for the year 2020. We note that the share of the service sector in the economy has a significant impact on the dynamics of GDP in the context of the pandemic. We focus on the relationship between changes in GDP in 2020 and institutional circumstances. We find that it is possible to curb the decline in GDP growth rates primarily in those countries where the population trusts the government. The decline in GDP in some countries under consideration occurs against the background of relatively high information and personal freedom that contributes to a decline in the level of trust in the government in the context of the pandemic. The regression analysis confirms that almost half of the differences between countries in GDP dynamics in 2020 are negatively related to two factors: COVID-19 mortality and information freedom. If the people have no trust in the government, then the efforts it undertakes to adapt to an emergency situation may prove ineffective, and social activity can become destructive. In the future, it would be useful to compare the adaptive capacity of countries in terms of the rate of recovery of their economies after the pandemic.

Key words: COVID-19 pandemic, social institutions, trust, GDP growth rates, adaptation, cross-country differences.

Information about the Author

Victor E. Dementiev – Doctor of Sciences (Economics), Professor, RAS Corresponding Member, Chief Researcher, Central Economic and Mathematics Institute, RAS (47, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: vedementev@rambler.ru)

Статья поступила 28.04.2021.